

О.В. Доленко, головний лікар Запорізького обласного дошкільного психоневрологічного центру санаторного типу

Щодо нозологічної приналежності порушень розуміння мовлення у дітей (міркування дитячого психіатра)

Продовження. Початок на стор. 49.

дітей примушують батьків звертатися до мовних терапевтів, які трактують патологічну симптоматику у вузько спеціалізованому напрямку, не охоплюючи інші аспекти порушень поведінки, характерних для високофункціонального аутизму. Є й інша точка зору, згідно з якою діагноз семантико-прагматичного розладу – психологічний компроміс, який дозволяє «пом'якшити удар» для сім'ї й уникнути штампованого діагнозу «аутизм» [7].

Питання кваліфікації семантико-прагматичного розладу може бути цікавим при розмірковуванні – чи можна бути «трохи» аутистом? Дійсно, частина дітей, які мають специфічні семантико-прагматичні порушення мовлення, не відповідають усім критеріям аутизму. Крім цього, дитячі психіатри досить часто спостерігають специфічні особливості мовної поведінки у батьків аутичних дітей – неспроможність без спрямованих питань повідомити інформацію про свою дитину, відсутність зворотної реакції й адекватної міміки під час обговорення серйозних проблем розвитку їх дитини, монотонність інтонації, негнучкість суджень, буквальне сприйняття рекомендацій, слабка можливість об'єднуватися з іншими батьками на спільних зустрічах. Разом з тим вони достатньо адаптовані, мають освіту, змогли створити сім'ю. До речі, такі батьки зазвичай не погоджуються визнати в себе проблеми спілкування з оточуючими.

Що стосується розладу рецептивного мовлення, то його клінічний статус до цього часу також не визначений. Деякі фахівці схильні вважати порушення рецептивного мовлення коморбідним розладом при дитячому аутизмі, інші розглядають цей розлад у межах самостійного розладу, що має спільне генетичне походження з аутизмом [8]. Ступінь соціальної дезадаптації, проблеми розуміння, нав'язливі звички, відзеркалений характер мовлення, прагнення до незмінності навколишнього середовища по-різному присутні у клініці як аутичного, так і рецептивного розладу, особливо у дітей дошкільного віку. Під час детального вивчення поведінки таких дітей виявляється принципова відмінність у їх способах соціальної адаптації. Наприклад, аутична дитина може зовсім не реагувати на звертання до неї, бо через відсутність інтегративного сприйняття навколишнього світу не виокремлює звуки рідної мови як значущий стимул. Таким чином, за первісно збереженої здатності декодувати мову вона не сприймає її як першочерговий соціальний сигнал, на який необхідно відреагувати певною поведінкою (підійти до матері, відгукнутися на своє ім'я, відповіді на запитання і т.д.). При цьому аутична дитина може віддалено в часі адекватно відреагувати на почуте. Дитина з розладом рецептивного мовлення досить швидко починає вирізати мову як найбільш значущий соціальний стимул навколишнього світу, але її мозок з якихось причин не здатний узагальнити навіть багато раз почуте висловлювання поза симпатичної ситуації. Доказом цього слугує те, що діти з розладами рецептивного мовлення, намагаючись адаптуватися до ситуації діалогу, «вгадують» відповіді, а в разі повної нездатності відреагувати на мовні звертання роблять спроби активно «взяти ситуацію під контроль», активно розвивають свій афективний монолог або уникають вербального спілкування. Діти з проблемами рецептивного мовлення ніколи не дають віддаленої в часі реакції на мовлення, бо не розуміють суті висловлювання і сприймають рідну мову як «іноземну». Вищесказане підтверджують розповіді батьків. З їх слів аутична дитина в ранньому віці нерідко нагадує глуху, бо не реагує на мову, а дитина з порушенням рецептивного мовлення до якогось часу не викликає

у батьків настороги, якщо не має супутніх проблем. Така дитина здатна у звичних домашніх умовах легко «вловити» суть промовленої фрази, орієнтуючись на симпатичні фактори (інтонація і міміка мами, навколишня обстановка). Характерно, що такі діти здатні на інтегративне «схоплювання» соціальної ситуації – вловити суть простої гри з однолітками, не пов'язаної з вербальними завданнями; заспокоїти сусіда, який розплакався на дитячому майданчику, передбачити реакцію розлюченої мами. До початку шкільного віку в них зазвичай формується критика до своєї нездатності розуміти мову навколишніх людей, і тоді нарастають вторинні поведінкові розлади (знижений фон настрою, тривожність, вимушена ізоляваність унаслідок соціального несприйняття). Дитина з високофункціональним аутизмом не здатна передбачити просту соціальну ситуацію й емоції оточуючих людей, у тому числі близьких. При цьому, маючи феноменальну здатність закарбовувати будь-яку інформацію, вона може у подальшому ефективно користуватися засвоєними комунікативними штампами.

Існують дослідження, які підтверджують різний прогноз у дітей з аутизмом і рецептивними розладами мовлення. Обстеження за допомогою стандартизованого опитувальника аутизму ADI-R (діагностичне інтерв'ю) показало, що діти з рецептивними порушеннями мовлення й аутизмом відрізняються за клінічними проявами [9]. Зокрема, діти з рецептивними порушеннями мовлення мали суттєво менші проблеми з повторюваною поведінкою і соціальною взаємністю на відміну від аутичних дітей. Однак у підлітковому віці й далі діти з рецептивними порушеннями мовлення демонстрували більшу соціальну дезадаптацію й ізоляваність, ніж діти з високофункціональним аутизмом [10].

Таким чином, зважаючи на те що відокремлення семантико-прагматичного мовного порушення в окремий розлад не має перспектив, дослідження іноземних спеціалістів з цього напрямку дають можливість для більш детального аналізу мовної поведінки при аутизмі і, напевно, розширяють можливості соціальної адаптації таких дітей. Рецептивні розлади мовлення також потребують подальшого вивчення і створення ефективних реабілітаційних програм.

Маю надію, що ці міркування розширять уявлення спеціалістів суміжних з психіатрією сфер діяльності (логопедів, психологів, педіатрів, неврологів) про мовні розлади у дітей, а початкувачих дитячих психіатрів спонукають до більш глибокого вивчення цієї проблеми.

Література

1. D.V.M. Bishop Department of Psychology, University of Manchester. Autism, Asperger's syndrome and semantic-pragmatic disorder: Where are the boundaries? British Journal of Disorders of Communication 24, 107-121, 1989.
2. Аппе Франческа. Введение в психологическую теорию аутизма. М. изд. Теревинф, 152-154, 2006.
3. Bowen C. Semantic and pragmatic difficulties and semantic pragmatic language disorder. Retrieved from <http://www.speech-language-therapy.com/spld.htm> on. (2001).
4. Лурия А.Р. Язык и сознание, изд. МГУ, с. 51-57, 1979.
5. Adams C. D.V.D. Bishop. Conversational characteristics of children with semantic-pragmatic disorder. British Journal of Disorders of Communication, 24, 211-239, 1989.
6. Gagnon Louise, Motttron Laurent, Joannette Yves. Questioning the validity of the semantic-pragmatic syndrome diagnosis. Autism, vol. 1, № 1, 37-55, 1997.
7. Muggleton Julia. What is Semantic-pragmatic Disorder? Retrieved from <http://www.hyperlexia.org/spl.html>. Date Added: 2/19/2004.
8. Доленко О.В. Аутизм и рецептивное расстройство речи. Нейронews, № 5 (16), 36-39, 2009.
9. Mildenerberger K., Sitter S., Noterdaeme M., Amorosa H. The use of the ADI-R as a diagnostic tool in the differential diagnosis of children with infantile autism and children with a receptive language disorder. European Child & Adolescent Psychiatry 10, 248-255, 2001.
10. Howlin P., Mawhood L., & Rutter M. Autism and developmental receptive language disorder – a comparative follow-up in early adult life. II. Social, behavioural, and psychiatric outcomes. Journal of Child Psychology and Psychiatry, 41, 561-578, 2000.

Е.Н. Волков, Государственный университет – Высшая школа экономики, г. Нижний Новгород

Клиент всегда...

Продолжение. Начало в №2/2010.

В предыдущей статье я начал разговор о некоторых до сих пор находящихся в тени сторонах подготовки, точнее, недоподготовки, консультантов и психотерапевтов. Эту тему я продолжу в дальнейшем, но в интересах соблюдения баланса сейчас направляю луч прожектора на клиента или шире – вообще на современного человека в роли клиента.

Тода три назад я натолкнулся на статью американского психолога Филипа Кушмана (Cushman Ph.) с интригующим названием «Почему я пустое? Навстречу исторически определенной психологии»¹. Во избежание недоразумений сразу подчеркну, что термин «я» действительно употребляется автором с маленькой буквы. Я вижу много интересных вариантов интерпретации этого факта, но один из самых очевидных и обоснованных состоит в том, что в статье речь идет не о собственном «Я» конкретного индивида, а о «я» огромных масс населения, то есть о большом количестве нарицательных «я».

Перевод статьи Ф. Кушмана на русском языке вскоре должен увидеть свет, я же поделюсь с читателями ее основными идеями и теми мыслями, которые они мне навели.

Стержневой тезис Ф. Кушмана: я – всегда и везде продукт истории и культуры. В таком виде, боюсь, это выглядит как надоевшая банальность, если не вдумываться по-настоящему. Нередко этот тезис понимают упрощенно, подразумевая под ним некое внешнее приспособление к обстоятельствам в основном внутренне неизменного я. Эта внутренняя неизменность я может быть представлена по-разному – от универсально навечно данной природы «человеческой сущности» до уникальной индивидуальности, стремящейся к «самореализации»/«самоактуализации». Ни то ни другое, ни среднее действительности не соответствует, но сидит в мозгах крепко, в том числе в основах практически всех популярных, но мало научных направлений психотерапии и консультирования. За универсальную неизменность изо всех сил держится психоанализ, а за уникальную – гуманистический подход. И оба направления, как прекрасно показывает Ф. Кушман, на самом деле держатся за пустоту, которую сами и наполняют своими фантазиями.

Более развернуто и интересно идея американского психолога в главе с названием «Я – социальный конструкт» звучит так: «Человеческие существа не обладают базовой, фундаментальной, чистой человеческой природой, которая является транс-исторической и транскультурной. Человеческие существа являются незавершенными («недоукомплектованными») и вследствие этого не способны действовать адекватно, если только не встроены в специфическую культурную матрицу.

Культура «доукомплектовывает» людей, объясняя и интерпретируя мир, помогая им фокусировать внимание или игнорировать определенные аспекты своей среды и инструктируя или запрещая им думать и действовать определенным образом... Культура не является врожденным одеянием, покрывающим универсального человека; она вдохновляет людей, фундаментально приспосабливает и формирует их и то, как они воспринимают себя

и мир, как видят других, как они вовлечены в структуры взаимных обязательств и как осуществляют выбор в повседневном мире»².

Попробую перевести на более приземленный и предметный язык. У человека как социального существа ничего неизменного нет, кроме стабильно непоколебимых иллюзий о своей неизменяемости и некоей «исконно присущей» и «неприкасаемой» индивидуальности. Страх измениться – один из самых прочных, самых иррациональных и самых губительных у представителей человеческого рода. В консультировании с ним сталкиваешься на каждом шагу. На каком-то из моих последних тренингов по РЭПК и критическому мышлению одна участница с помощью группы и когнитивного картирования смогла докопаться до основной причины, мешающей ей бросить курить, – страх измениться, стать «другой», «не собой». Такое впечатление, что образ себя некурящей представляется ей чуть ли не инопланетным «Чужим» из известной фантастической страшилки, а образ курящей «плохой девочки» – родным и комфортным. При этом во многих других отношениях она менялась в своей жизни не раз и не два, только эти изменения выглядели для нее как внешние – смена мужей, смена профессий и мест работы. А то, что при этом неизбежно менялась она сама и гораздо радикальнее, чем при отказе от курения, ею никак не замечается и не фиксируется.

В процитированном выше мнении Ф. Кушмана есть один нюанс, с которым я решительно не согласен. У него получается так, что некое существо по имени «культура» что-то делает с людьми. Понимаю, что это результат речевых стереотипов, но тем более хочу подчеркнуть исходную и определяющую активность самого человека в освоении культуры и пользования ею. Любой индивид полностью и всегда только сам себя и строит, и перестраивает³ («изменяет себе с собой»), но вынужден использовать тот «строительный материал» и те инструменты, которые доступны или навязываются именно в то время и в том обществе, в котором ему посчастливилось или угораздило родиться и жить. Одновременно человек в фундаментальном смысле – существо ситуационное, то есть эволюционно приспособлен так, чтобы максимально быстро и гибко реагировать на смену обстоятельств⁴.

При ускоряющихся изменениях внешней среды у индивида возникают три стратегических выбора: 1) отдаться на волю течения, притворившись щепкой (наркомания, алкоголизм и т.п.); 2) научиться энергично и хорошо плавать самостоятельно – настолько хорошо, чтобы быть способным плавать и против, и поперек течения; 3) попробовать найти тихую заводь без течения (а тут и культы с благоустроенными болотами!). Во всех трех направлениях существенные и регулярные изменения я неизбежны, отличаются лишь способы и результаты этих трансформаций и мутаций⁵. Возникает и острее обостряется проблема формирования и поддержания такого своего я, которое способно и в меру необходимости меняться, и одновременно оставаться достаточно определенным и стабильным, чтобы каждый день не просыпаться с новой личностью и новой биографией и не метаться между своими разными я⁶.

¹ Cushman Ph. Why the Self Is Empty: Toward a Historically Situated Psychology. American Psychologist. May, 1990, Vol. 45, No. 5, pp. 599-611.

² Ibid. P. 601

³ Тезис о решающей роли самого клиента в изменении себя является общим местом в психотерапии, но, как мне кажется, он далеко не

всегда последовательно продумывается и еще менее последовательно воплощается на практике.

⁴ См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. – М.: Аспект Пресс, 1999.

⁵ См.: Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М., ПАРФ, 1998.

Е.Н. Волков

В главе «Множество форм западного я» Ф. Кушман набрасывает краткую историю смен типов западноевропейского я, присоединяясь к мнению М. Фуко, что «изменения, произошедшие с западным я, не являются эволюционными изменениями, вызванными внутренней логикой, раскрытием тайного генетического кода или прохождением уровней (сбрасыванием слоев) просвещения (the peeling of layers of enlightenment). Это я претерпело предельные, беспорядочные, часто скачкообразные изменения, потому что оно является частью социально-исторического макроустройства своего времени. Я должно функционировать внутри специфической культурной модели: согласовываясь, поддерживая и воспроизводя (реплицируя) ее»⁷.

И какое же я сложилось к настоящему времени на Западе? «Индивидуальное, ограниченное, коммунално изолированное я является современным феноменом..., примерно идущим в параллели с развитием индустриализации и подъемом современного государства»⁸. К более подробной характеристике обратимся чуть позже, а пока попробуем ответить на вопрос, при чем тут консультирование с психотерапией, да еще и поставленная Ф. Кушманом в один ряд с этими благородными занятиями реклама?

Направившись ответ: психотерапия работает с личностью, поэтому важно учитывать, с каким именно культурно-историческим я имеет дело консультант, а не ограничиваться только предполагаемым индивидуальным «Я» клиента. Почти тепло, но не в яблочко. Ф. Кушман копает основательнее — он сосредоточивается на том, как психотерапия конструирует современное я, создавая в нем проблемные структуры и потака им, чтобы затем, за соответствующее вознаграждение, помогать клиентам справляться с этими занозами.

Точнее, Ф. Кушман рисует широкими мазками историческое полотно последних двухсот лет, в котором изменения западного я от коммунального доиндустриального я, обладающего определенным характером, к ограниченному, своевольному и индивидуалистичному среднелегальному я XX века переплетены с экономическими, демографическими, культурно-идеологическими и политическими сдвигами, а также с развитием рекламы, социальных наук и психологии. «Социальные науки... создавались одновременно с появлением изолированного, индивидуального я и с потребностью современного государства контролировать его посредством исследования и преднамеренной манипуляции»⁹.

В таком контексте, кстати, сильно меркнет миф об «освободительной миссии» психоанализа: «... я стало вместилищем того, что могло быть скрыто от других и от себя... Фуко... утверждал, что современное государство эксплуатировало эту концепцию я для того, чтобы оправдать свои новые, рестриктивные полномочия... В результате триумфа викторианской буржуазии

неизвестное стало пониматься однозначно внутренним (миром человека)... и потенциально опасным. Фрейд... постулировал я с интериоризированным бессознательным (неосознанным), содержащим первобытные побуждения — секс и агрессию, — которые должны быть ограничены в целях обеспечения функционирования нормативного буржуазного общества»¹⁰. Получается, Фрейд подставил нас под полицейский надзор, а не открыл горизонты свободы. Для тех, правда, кто читал работы исследователя архивов З. Фрейда Дж. М. Массона, причастность отца психоанализа к авторитарной — и патриархальной — репрессивности не будет открытием¹¹.

В кратком изложении картина Ф. Кушмана под условным названием «Приплыли... к пустому я» выглядит примерно так. Изменения в экономике и технологиях, урбанизация и сопровождающие их переменны в господствующей идеологии и морали примерно к середине XX века привели к формированию в США (и, подразумевается, во всех развитых странах Запада) такого типа я, которое нельзя описать иначе, как пустое я «как следствие потери общины и как приспособление к нуждам новой экономики»¹². Пустота современного я, по Ф. Кушману, возникает в результате того, что, с одной стороны, исчезает тотальная, стабильная и мощная общинно-семейная среда, успешно «наполнявшая» вырвавшихся в ней индивидов однозначным и монопольным набором истин и ценностей, норм и правил, традиций и ритуалов. С другой стороны, возникает массовое производство с нарастающим потоком предложений новых товаров, услуг и технологий, которое нуждается в постоянно озабоченных и вечно неудовлетворенных потребителях. Такой экономике требуется я, строящее себя не изнутри — из своего характера, целей, твердых ценностей и цельного мировоззрения, а складывающее себя из внешних кубиков Lego, навязываемых рекламой, — из модных и престижных вещей, из пропагандируемого глянцевыми журналами образа жизни и из модных мифов о «личностном росте», «лидерстве» и «позитивном мышлении». «Легкий» кредит и мировые пирамиды финансовых мыльных пузырей, запускаемых не одиозными мошенниками, а солидными государственными институтами, предоставили пустому я почти что перпетуум мобиле для бега по замкнутому кругу, из которого только один спасительный выход — дауншифтинг.

Строго говоря, приписывание пустоты современному я — заостряющий публицистический прием, поскольку я социального индивида всегда исходно пустое, исторически меняются только способы и источники его заполнения¹³. Об этом подробно писали известные западные социологи еще полвека назад: «Человеческая природа — социокультурная переменная. Иными словами, не существует человеческой природы в смысле некоего биологически фиксированного субстрата, определяющего многообразие социокультурных образований. Человеческая природа существует лишь в смысле антропологических констант (например, открытость миру и пластичность инстинктуальной структуры), определяющих границы и возможности человеческих социокультурных образований. Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется этими социокультурными образованиями и соответствует их многочисленным разновидностям. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя»¹⁴.

Другое дело, что в современном обществе факт фундаментальной пустоты я

вылез наружу настолько, что этот срам стало трудно не замечать. Но свято место пусто быть не может. Появилась потребность в новых источниках наполнителей. Таким социально-массовым инструментом стала реклама — вездесущая, скорострельная и сверхсуггестивная. Башни-излучатели из «Обитаемого острова» бр. Стругацких на фоне нынешней рекламной индустрии смотрятся так же, как пушка для полетов на Луну из романа Жюль Верна на фоне космодромов в Байконуре или на мысе Канаверал.

Рекламный наполнитель, однако, не способен заползти во все сложные извилистые уголки человеческой души (что внушает некоторый оптимизм). Индивидуально-штучная пена и шпаклевка стали производиться психотерапией. Написал эту фразу и подумал, что шпаклевка идет уже по ведомству косметики и пластической хирургии, так что за психотерапией остается одна пена.

Реклама и психотерапия прикрывают, конечно же, далеко не все прорехи в слишком человеческом существе, поскольку «внутренняя пустота может быть выражена различными способами, такими как низкая самооценка (отсутствие чувства собственного достоинства), хаос ценностей (отсутствие ощущения личной убежденности), пищевые расстройства (компульсивное побуждение заполнить пустоту едой или воплотить пустоту отказом от еды), наркотическая зависимость (компульсивное побуждение заполнить пустоту химическими веществами) и хроническое потребительство (компульсивное побуждение заполнить пустоту потребительскими товарами и впечатлением «получения» чего-либо от мира). Она может также принять форму отсутствия личного смыслового содержания. Это может проявляться как жажда (голод) духовных наставлений, которая временами принимает форму желания быть наполненным Божьим духом, религиозной «истиной» или властью и личностью лидера или гуру... Желание быть духовно наполненным и представляемым может сделать личность восприимчивой к мошенническим практикам рестриктивных религиозных культов..., харизматичных политических лидеров..., неэтичных психотерапевтов... или даже крайне деспотичных (авторитарных) и контролирующих романтических партнеров...»¹⁵.

А что побуждает современных индивидов пользоваться столь саморазрушительными наполнителями и что им мешает предпочесть более конструктивные и здоровые материалы для застройки своего я? На этот вопрос Ф. Кушман не пытается ответить и даже не задает его, хотя, как мне кажется, именно он и представляет наибольший интерес во всех отношениях. Американский коллега далее сосредоточивается на весьма глубоком и содержательном анализе взаимодействия рекламы и психотерапии с пустым я, вернуться к которому будет повод в следующей статье. Я же попробую немного внимательнее разобраться как с пустотой, так и с наполнителями я наших современников и наших клиентов.

Некоторые подходы к разработке «пустотного» аспекта мышления и поведения человека были мною сформулированы в двух готовящихся к печати статьях, которые выйдут в одном сборнике со статьей Ф. Кушмана¹⁶. Исходное положение, уже заявленное выше, — о базальном характере пустоты социального я. Какие бы предрасположенности и склонности ни передавались генетически, они не

создают ни единого осмысленного слова и не производят сами по себе ни одного хоть сколько-нибудь сложного элемента человеческого поведения. Все собственное человеческое приобретает человеком после рождения, и, следовательно, на прием к консультанту приходит пористая губка, всосавшая в себя бульон, состоящий из нестабильной семейной и «балдеющей» подростковой микросред; лицемерия политиков; коррупции чиновников; вкрадчиво наглой рекламы; бесформенного студня неопределенной идеологии и принципов двойных стандартов; эклектического коктейля поповской псевдопсихологии; оккультно-эзотерической «духовности»; пошлого и примитивного юмора почти на всех каналах ТВ; плотно замусоренного феней и матом языка — и безнадежно устаревшей системы образования, в которой ни учителя, ни дети уже не понимают, зачем они встречаются шесть раз в неделю.

Перечисленные — далеко не все, понятно, — «проблемные» ингредиенты (индивиды, впитавшие здоровый «бульон», в психологической помощи не нуждаются) приправлены еще и толстым слоем... Нет, не шоколада, а внушенных представлений о возможности легкого и внешнего по отношению к своей личности пути решения практически любых проблем. Боль — вот таблетка; как бы юмор — вот подсказывающий «консервированный» смех; «личностный рост», «лидерство», «успех» — вот несколько дней как бы тренинга, на котором нужно лишь послушно выполнять все причуды гуру; здоровье — БАДы и пассы «народных целителей»; образование — заучи тесты; подумать — это найти готовый ответ через поисковую систему и «накопипастить» чужих текстов и т.д.

И вот это все приходит на сеанс... Способны ли ныне действующие «душеведы» поставить перед собой со всей остротой и глубиной вопрос: «Кто стучится в дверь ко мне?», да еще и принять на свои плечи тяжеленный и неприятно пахнущий ответ? Способны ли они честно взглянуть в глаза клиентам и признать, что все их любимые инструменты в лучшем случае почти бессильны, а в худшем — загоняют клиентов в еще более беспросветный тупик или в одиночку иллюзий?

И какие же выводы из предложенных тезисов следуют для самостроительства индивида и для желающих помочь ему в этом замечательном деле профессионалов? Учиться, учиться и еще раз учиться самым настоящим образом искать и устранять ошибки, то есть осваивать критическое мышление и пошаговую социальную инженерию.

Так почему бы консультанту не брать весь контекст жизни клиента, прежде всего социологический? Только не в духе псевдосоциологизированных и псевдокультурологических фрейд-юнгловских фантазий, а в духе современных научных концепций — в стиле К. Поппера, Э. Гоффмана, Р. Коллинза, П. Бергера. Почему бы не учить клиента социологии и когнитивной науке применительно к его жизни? Но готовы ли к этому психологи и психотерапевты? И насколько они владеют всем этим научным материалом и понимают, насколько он важнее и фундаментальнее для экзистенции индивида, чем либидо с мортидо или гештальт с самореализацией? И способны ли они вовремя понять, что нужно перестраивать в социальных инженеров и перестраивать саму социальную ткань, а не бессовестно пользоваться беспомощным положением растерянных и невежественных клиентов?

⁶ См.: Lifton, R.J. The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. BasicBooks, New York, 1993.

⁷ Cushman Ph. Why the Self Is Empty... — P. 601.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. — P. 602.

¹¹ См.: Masson J.M. Against therapy. Common Courage Press, Monro, Maine, 1994.

¹² Cushman Ph. Why the Self Is Empty... — P. 603.

¹³ Вспомните, кстати, детскую песенку про то, из чего сделаны мальчишки и девочки. Что касается серьезных трудов, то см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.

Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995; Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). — М.: «ФЭРИ-В», 2006.

¹⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — С. 83.

¹⁵ Cushman Ph. Why the Self Is Empty... — P. 604.

¹⁶ См.: Волков Е.Н. Человек как пустое место. — В печати; Волков Е.Н. Пустота текстов и поведенческих сценариев как основное пространство манипуляции. — В печати.